

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 327.5[(470.325):(477.54)]

СЛОБОЖАНСКИЙ КРАЙ И ЕГО ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

SLOBOZHANSKY KRAI AND ITS POLITICAL AND STRATEGIC OPPORTUNITIES IN CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATEHOOD AND THE EU- ROASIAN INTEGRATION

К.Н. Лобанов, Е.А. Погонина
K.N. Lobanov, E.A. Pogonina

*Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71*

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: lobanov_pol@pochta.ru

Аннотация. Данная публикация посвящена актуальной теме развития трансграничной региональной интеграции. Этот вид интеграции – наиболее перспективный в системе межгосударственного сотрудничества на пространстве бывшего Советского Союза. Основной организационной формой трансграничной интеграции выступает «еврорегион». Среди таких территориальных формирований выделяется «еврорегион» «Слобожанщина», имеющий в своей основе глубокие экономические, стратегические, культурно-исторические традиции и выполняющий в условиях непростых российско-украинских отношений главную геополитическую задачу в контексте развития российской государственности и евроазиатской интеграции.

Resume. This publication is devoted to a hot topic of development of cross-border regional integration. This type of integration - the most perspective in system of interstate cooperation on space of the former Soviet Union. The «euroregion» is the main organizational form of cross-border integration. The «euroregion» «Slobozhanshchina» having deep economic, strategic, cultural and historical traditions in the basis and which is carrying out in the conditions of the difficult Russian-Ukrainian relations the main geopolitical task in the context of development of the Russian statehood and the Euroasian integration is distinguished from such territorial formations.

Ключевые слова: региональная трансграничная интеграция, «еврорегион», «Слобожанщина», Слободской Край, российско-украинские отношения.

Key words: regional cross-border integration, «euroregion», «Slobozhanshchina», Slobodskoy Krai, Russian-Ukrainian relations.

Обширный Слободской или Слобожанский Край (Слобожанщина), занимавший южную и частично юго-западную часть российской державы и смежных с ней восточно-украинских земель, традиционно рассматривался государственной властью и обществом не столько в экономико-географических категориях, сколько в формате использования уникального военного и политико-стратегического положения этой территории для обеспечения безопасности страны. Все то, что находилось к югу от Тулы и Рязани и что именовалось в XIV–XVII столетиях «Диким полем», всегда считалось для нас жизненно важным пространством, или, как сегодня бы выразились специалисты в области геополитики, «зоной национальных интересов» растущей российской государственности. Границы «Дикого поля» с течением времени все более и более отдалялись от Москвы в южном и юго-восточном направлении. Однако каждый рывок в сторону «Дикого поля» и продвижение в его глубины сопровождалось большим напряжением сил молодой нарождающейся нации.

Извечное противостояние земледельческих, оседлых этносов с номадами – представителями степных цивилизаций, облюбовавших ареал «Дикого поля» со времен Великого переселения народов и до XIV века, объективно способствовало формированию на южных окраинах Москов-

ской Руси, а затем и Российской империи особых региональных образований, выполнявших одновременно функцию военизированного пограничья и роль своеобразного «буфера» между враждебными мирами. К числу таких примеров относятся и украинская Запорожская Сечь, и Слободской или Слобожанский Край, и область Вольного войска Донского, кубанские и терские казачьи земли. Главной задачей этих полуобщинных-полугосударственных территориальных конгломератов была дальняя оборона Центрального (Московского) массива – сердцевины экономико-хозяйственного, социально-демографического, политического и духовно-культурного комплекса русской государственности. Поэтому с момента своего зарождения и на долгие годы вперед характерной особенностью развития «украинских» территорий была их почти полная милитаризация. Военно-мобилизационный характер имела хозяйственная, финансовая, транспортно-коммуникационная, социальная структура этих регионов. Военизированный уклад жизнедеятельности сказался и на демографическом составе южан. Формировался он исключительно за счет представителей военно-служилых и вольных сословий-пассионариев, отличавшихся, по словам Л.Н. Гумилева, особенно ярко выраженными способностями к активизации собственных биоэнергетических потенциалов¹. Психология «военной границы», «креса», «украины», «порубежья» прочно вошла в менталитет жителей русского Юга – бесосновательно от того, идет ли речь о кубанских или терских казаках, обитателях срубов-крепостей Белгородской засечной черты, городков Слобожанщины. Постоянная готовность к нападению и обороне, обостренное чувство долга и ответственности перед Державой и всем православным «миром», исключительная солидарность и взаимовыручка, практически полное отсутствие стяжательства и тяги собственническому накопительству – вот только некоторые штрихи к собирательному психологическому портрету южнорусского и украинского воина-поселенца периода Нового времени.

Долгие годы милитаризованное население южных окраин Московской Руси находилось на переднем крае политики государства, направленной на сдерживание хищнического и паразитического восточного экспансионизма, постоянно угрожавшего независимости и территориальной целостности страны, основам православно-славянской цивилизации. Стоит отметить, что свою оборонительную функцию южный регион, в состав которого входил и Слободской Край, выполнял довольно успешно. За исключением периода Смутного времени и всплесков массовых народных волнений, когда политическая и военная дестабилизация почти целиком охватывала великорусские и украинские земли, защитники слобожанских укрепленных поселений и засечных черт стойко и профессионально отражали волны кочевников и иных иноземных захватчиков. Глубоко эшелонированная система оборонительных сооружений и крепостей, мужество и отменная военная подготовка их защитников были надежным барьером, через который не могли прорваться внутрь страны крымчаки и ногаи, турки и ляхи, литовцы и казацкие отряды антимосковски настроенных гетманов.

Авангардная роль Слобожанщины не претерпела больших изменений и тогда, когда сдерживание восточной (южной) политики Российской империи – всегда главной и определяющей – стало иным. От стратегии сдерживания и обороны на юге имперская власть в XVIII–XIX веках переходит к политике освоения обширных и богатых территорий Левобережной и Правобережной Украины, Северного Причерноморья и Предкавказья, и вытеснения оттуда своих извечных антагонистов. Жители Слободского Края, включавшего в свой состав образованную Петром Великим Белгородскую губернию, и здесь выступали в роли пионеров-разведчиков, а затем и первых поселенцев-колонистов, на плечи которых легла основная тяжесть задачи адаптировать местные земли и их обитателей к условиям жизни в новых политических и социально-культурных реалиях. Конечно, русско-украинских слобожан вряд ли можно сравнивать с европейскими колонизаторами, огнем и мечом расширявшими пространство западной цивилизации. Вместе с тем, внедряясь все глубже и глубже в чуждый ареал обитания тюркоязычных этносов, выходцы слобожанских городков и крепостей засечных черт вынуждены были первое время выполнять контрольно-надзорные функции военизированных представителей Империи в среде, до недавнего времени враждебной славянско-православным основам российской государственности. Впоследствии же колонисты постепенно слились с местным населением, образуя неповторимые этно-лингвистические конфигурации, такие как слобожане, донское казачество, кубанцы и т.д. Примечательным в этом смысле является формирование слобожанского субэтнуса – типичного для того времени этнического новообразования симбиозного вида, осваивавшего собственную «нишу» на рубеже соприкосновения культурно-языковых и конфессиональных суперэтносов. Даже поверхностный анализ лексики слобожанского населения и топонимики географических объектов Края показывает, что этот субэтнос развивался в условиях активного взаимодействия различных культур и народов. В топонимах Белгородской области и смежных с ней областях Украины, например, встречается много названий тюркского происхождения (город и река Короча, река Айдар, река Дуванка, город Изюм, город Ахтырка), а в лексиконе нынешних потомков слобожан помимо доминирующих перекрестных русско-украинских языковых комбинаций заметно присутствие полонизмов («байдюже»,

¹ Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 2008. С. 116.

«драбина», «жменя», «заевый», «кодра», «кохать», «нехай», «нехаянный», «позычить», «репать-ся», «трохи», «трошки», «шлях», «шукать» и др.)². О подобном культурном взаимовлиянии и взаимообогащении можно также говорить применительно к обычаям и нравам, особенностям быта, кухне, типу одежды и жилья, фольклору слобожанского населения.

По мере того как бывшее «Дикое поле» все более и более интегрировалось в систему хозяйственных, политических, социо-культурных связей государства, а внешние границы страны оказались надежно прикрыты естественными (горными и морскими) преградами, Слобожанский Край, равно как и другие «украинные» земли, стал освобождаться от имиджа военизированного форпоста державы. Элементы милитаризации экономики, жизненного уклада и психологии жителей Слобожанщины постепенно уходили на второй план. Торгово-хозяйственная составляющая превратилась в доминанту развития богатого на природные залежи и земельные ресурсы региона. В годы поздней Империи Край становится житницей страны и одним из наиболее развитых центров пищевой и местной промышленности. Слободской Край органично вписывается в структуру нарождающейся капиталистической экономики страны, в активно формирующийся внутренний рынок, главным образом, еще и благодаря своему выгодному географическому положению. Через территорию Края истари проходит сеть важнейших коммуникаций, соединявших центр Державы с Левобережной и Правобережной Украиной и дальше с Западом, с Южной Украиной и Крымом, с Кубанью и Закавказьем. По этим старым торговым «шляхам» и бывшим военным тропам прокладываются железные дороги, и создается сопутствующая им инфраструктура. На пути к стремительно развивающемуся Донецкому угольному бассейну создаются крупные железнодорожные развязки (Белгород, Лозовая, Люботин, Готня и др.), которые становятся очагами прогресса, не позволяя многим городам и местечкам Края деградировать в уездное захолустье из гоголевских повестей.

В Советскую эпоху, перевалив через полосу войн и революций, исторический Слобожанский Край оказался разделенным государственно и территориально-административно между двумя советскими республиками – РСФСР и УССР. Вместе с тем это обстоятельство не мешало региону развиваться экономически как единому комплексу. На территории Харьковской области УССР в 1950 г. было открыто Шебелинское газоконденсатное месторождение, которое до разработки залежей газа в Западной Сибири было крупнейшим в СССР и Европе. Шебелинский газ полностью покрывал потребности прежних слобожанских территорий в «голубом» топливе. В это же время на территории Белгородской и Курской областей РСФСР были разведаны огромные запасы железной руды с высоким (до 70%) содержанием железа. Добыча руды могла осуществляться редким по тем временам и относительно дешевым т. н. открытым способом на нескольких специально построенных горно-обогатительных комбинатах. А после ввода в эксплуатацию в 1982 г. Оскольского электро-металлургического комбината на Слобожанщине появилось крупнейшее в стране предприятие по производству стали из железосодержащего концентрата. Индустриальная модернизация заметно изменила структуру экономики Края. Вместе с тем, внушительным оставался традиционный для наших мест аграрный сектор хозяйства. В лучшие советские годы на ценных слобожанских черноземах собирались по 27–28 центнеров с гектара зерновых, что по сравнению со среднесоюзными показателями было весьма внушительным. Край лидировал по производству и переработке сахарной свеклы, а в 70–80-е годы здесь успешно реализовывались тогда еще «пилотные» проекты строительства крупных предприятий по промышленному производству мяса скота и птицы.

Широкие экономико-хозяйственные возможности древнего Слобожанского Края, вместе с тем, не умаляли политико-стратегического значения этого региона. В эпоху распада СССР и становления новой демократической государственности в постсоветских республиках южные субъекты Российской Федерации вновь обрели статус приграничных территорий. Причем к некоторым из них вернулась историческая роль заслона на пути проникновения в страну различного рода угроз и рисков. Общеизвестно, например, что северокавказский регион, входящий в состав Южного федерального округа Российской Федерации, вот уже двух десятилетий находится на переднем крае борьбы с политическим и религиозным экстремизмом, стойко выдерживает натиск волн организованной преступности, гасит выбросы неконтролируемой демографической экспансии. В этих условиях сама жизнь, а часто и выживание, диктуют местным жителям необходимость возрождения славных боевых традиций их предков – казаков и солдат Черноморской и Кубанской линий.

Традиционно порубежный Слобожанский Край, хотя территориально и далек от «горячих точек» Предкавказья, однако его положение как приграничной территории России и Украины дает о себе знать почти ежедневно. Поскольку Край находится на стратегически важных транзитных коммуникациях евроазиатского экономического и политического пространства, то вполне понятно, что этими выгодами наряду с законопослушными гражданами активно пользуются преступные элементы для своих противоправных действий. Для преступников и экстремистов российско-

² См.: Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999. С. 102.

украинская граница на Слобожанщине по-прежнему является «засечной чертой» – передним краем, преодолеть который если не невозможно, то, по крайней мере, очень затруднительно.

Однако не только и не столько проблемы противодействия приграничному криминалу определяют сегодняшние политико-стратегические возможности древней Слобожанщины. Как и столетия назад, Край продолжает быть зоной высокой интенсивности политических, экономических, торговых и социокультурных связей между соседними государствами и их народами, т. е. является **геополитическим регионом** в полном смысле этого слова. Территория исторического Слободского Края находится на стыке границ двух славянских республик бывшего Советского Союза, а ныне независимых государств – России и Украины, и в непосредственной близости от третьей из них – Беларуси. Именно фактор уникального местоположения Слобожанщины позволяет рассматривать ее территорию и потенциал с геополитических (политико-стратегических) позиций. В последние годы этот срез анализа статуса Края стал особенно актуальным в свете развертывания новой интеграционной политики нашего государства на постсоветском (евразийском) пространстве.

Об этой политике следует сказать подробнее и небольшой предысторией.

Начиная с 1991 г., когда было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), относительное единство бывших советских республик поддерживалось в рамках этого межгосударственного объединения. Вместе с тем, СНГ оказалось внутренне слабоинтегрированным, аморфным, а потому и малоперспективным сообществом государств. Причин этому было несколько. Во-первых, это неопределенность в целях дальнейшего развития интеграции. Содружество изначально создавалось для цивилизованного «развода» и раздела имущества между бывшими республиками СССР, и не было предназначено для последующего перерастания в более совершенные формы интеграционного объединения. К тому же в 90-е годы прошлого столетия и в нулевые годы нынешнего столетия дезинтеграционная линия на постсоветском пространстве все еще была восходящей. Новые государства жаждали насладиться только что обретенным суверенитетом и не были готовы к тесному интеграционному сотрудничеству. Во-вторых, это отсутствие отчетливой стратегии в осуществлении совместных интеграционных решений и действий. В условиях неформальности базовых целевых установок в развитии СНГ его участники не разрабатывали собственных долгосрочных стратегий, а пытались применить чужие готовые образцы без учета уникальности ситуации, времени и пространства евразийской интеграции. Но так как зарубежный (нормативный) опыт плохо уживался со стохастическим (нелинейным, с элементами непредсказуемости) характером восточноевропейской интеграции, многие решения в руководстве СНГ принимались спонтанно, «на злобу дня» или имели слишком общее, не конкретное содержание. Поэтому многие очень даже разумные инициативы так и остались на бумаге. В-третьих, это применение ортодоксальных (линейных, не гибких) тактик интеграционного поведения при решении тех или иных задач. В частности речь идет о признании за государствами монопольного права участия в интеграционных процессах и исключении из числа субъектов интеграционного взаимодействия иных заинтересованных акторов (регионов, отдельных территорий, муниципалитетов, объединений граждан и т.д.). В результате весь интеграционный процесс оставался для большинства людей слишком официальным, недоступным, малопонятным явлением, не приносящим прямых выгод и облегчения в повседневной жизни. И, наконец, в-четвертых, это незавершенность процесса формирования интеграционного ядра в СНГ – центра влияния, силы, гравитации. Это, пожалуй, главное. Без такого ядра все участники интеграции пребывают в бессистемном состоянии, они не знают на кого ориентироваться, с кем связать свою дальнейшую судьбу. Россия в 90-е годы с трудом могла выполнять такую миссию – ее экономика и финансы были в состоянии полураспада, государство и общество переживали системный кризис. Поэтому евразийская интеграция постепенно теряла свою «руссоцентричность», а ее участники, пострадавшие от распада Советского Союза еще больше, чем Россия, стали подумывать над тем, чтобы найти новые геополитические ориентиры³.

Сегодня ситуация в нашей стране и в ближнем зарубежье кардинальным образом меняется. Российской общество и государство в целом преодолело зону турбулентности 90-х годов и успешно восстанавливает утраченные позиции в экономике и политике. Международный имидж России улучшился, а привлекательность экономической модели ее развития возрастает. С другой стороны, процессы дезинтеграции бывшего СССР начинают затухать, а в ряде случаев достигли определенного «предела насыщения». Наблюдается взаимная заинтересованность различных бывших советских республик к сотрудничеству, в том числе и в столь решительно отвергавшихся еще недавно юридических и институциональных формах. Все это создает объективную основу для начала работы над воссозданием нового более совершенного интеграционного объединения на евразийском пространстве с экономическим и политическим центром в России. Цели такого межгосударственного сообщества уже более конкретны и реально достижимы: добиться определенных успехов в координации таможенно-тарифной политики стран-участниц, затем перейти к синхронизации развития их хозяйственно-финансовых организмов, и, в итоге, закрепить экономические

³ См.: Лобанов К.Н. СНГ: брак после развода?// Белгородская правда. 2002. 11 июня.

достижения политическими и военно-стратегическими формами объединения. Упрощенно эта схема может выглядеть следующим образом: от таможенно-тарифного союза – к зоне свободной торговли; от зоны свободной торговли – к «общему рынку»; от «общего рынка» – к экономическому и валютно-финансовому союзу; от этого союза – к элементам союза политического (общая внешняя политика, общая оборона, общая политика в области безопасности, единое правовое пространство и система правосудия и т. д.). Причем движение в этом стратегическом направлении должно осуществляться постепенно, без «скачков» и «кампанейщины», строго по принципу «от простейшего – к сложному», имея в виду переход от первичных, стартовых форм интеграции, требующих первоначально, как правило, только согласованности действий государств-партнеров в определенной сфере отношений, к более развитым формам, предполагающим уже унификацию целых политик и взаимное ограничение государственных суверенитетов. Разумеется, что другим важнейшим принципом успешного интеграционного строительства должно стать правило добровольности стран-участниц в своих решениях, действиях, формах и пределах участия на тех или иных стадиях интеграции. Этот принцип крайне важен, поскольку не просто декларирует отсутствие какого-либо принуждения одних участников интеграционного процесса со стороны других. Речь идет об отказе от ортодоксальных, устаревших и, как показали время и практика, вредных представлений о субъектах интеграционного объединения как о некоем «кильватерном строе», в котором все участники движутся с одной скоростью и ориентируются в своем движении на самого тихого партнера. На смену этой догматической доктрине приходят стратегии «гибкого», «мультискоростного», «многоуровневого» интеграционного развития, где все субъекты сами регулируют степень своего участия в общих интеграционных проектах, оставаясь в пределах общего интеграционного поля. Так, например, одни государства ближнего зарубежья предпочитают оставаться в пока еще существующей «старой» зоне свободной торговли СНГ, а другие – посчитали себя способными перейти к следующему этапу – Таможенному союзу на базе действующего Евро-Азиатского экономического союза с собственной формирующейся зоной свободной торговли. Другие, ввиду усугубившейся опасности распространения международного терроризма, пошли еще дальше и приступили к конструированию общего пространства безопасности на основе одноименного Договора. Самые авангардные из них – Россия и Беларусь – пытаются выстраивать свои двухсторонние отношения в рамках Союзного государства. Таким образом, интеграция на евразийском пространстве де-факто стала разноскоростной и многоуровневой, что придает ей пластичность и демократизм.

Проявлением прогрессивных подходов к интеграции, имеющих непосредственное отношение к нашей теме, стало применение Россией и ее партнерами «гибких» тактик в вопросе легитимации новых субъектов интеграционных отношений. Наряду с государством равноправными участниками интеграции юридически были признаны приграничные регионы, территории, муниципальные образования с их специфическими интересами и потребностями. Таким образом, и здесь интеграционный процесс становится многоуровневым, сложносоставным, децентрализованным. В его структуре появился дополнительный этаж – так называемая «малая» или «региональная» интеграция. Опыт самого продвинутого на сегодня интеграционного сообщества Европейского Союза показывает, что интеграция на уровне регионов является наиболее эффективным и открытым способом укрепления связей между народами и их государствами. Люди охотнее воспринимают интеграционные усилия на уровне государств тогда, когда они наблюдают их сквозь призму приграничного сотрудничества и оценивают в категориях реального улучшения качества жизни и роста благосостояния своих регионов. Поэтому основной функционально-территориальной единицей «малой» интеграции считается трансграничный регион или «еврорегион» (по названию первых таких проектов на германо-французской границе в 50-х годах прошлого столетия)⁴. «Еврорегион» – это конгломерат социально-экономических систем из двух или нескольких сопредельных территорий соседних стран, характеризующихся относительным единством природной первоосновы или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций. Отправной точкой для начала формирования «еврорегионов» обычно становится инициатива «низов» – консенсус местных политических и экономических элит и жителей приграничных территорий относительно тех выгод, которые может извлечь каждый субъект отношений из своего нового, приграничного положения. Затем происходит юридическое оформление и институционализация «еврорегиона». Когда таких трансграничных сообществ появляется несколько, они начинают подталкивать центральные власти узаконить их статус на межгосударственном уровне и принять соответствующие акты⁵.

Одними из первых на евразийском пространстве были созданы трансграничные регионы «Слобжанщина» (в составе Белгородской области России и Харьковской области Украины), «Ярославна» (в составе Курской области России и Сумской области Украины), «Донбасс» (в составе Ростовской области России и Луганской и Донецкой областей Украины), «Днепр» (в составе

⁴ См. подробнее: Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. С. 178-198.

⁵ Кузнецов А. «Еврорегионы»: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 3. С. 48-59.

Брянской области России, Черниговской области Украины и Гомельской области Беларуси). Образованные «еврорегионы» приняли свои учредительные уставы и сформировали общие органы для оперативного управления и реагирования.

«Еврорегион» «Слобожанщина» является, пожалуй, одной из ранних попыток инициировать интеграцию между РФ и Украиной на трансграничном уровне. Идея о создании такого сообщества была высказана еще в 1997 г. и основывалась с учетом как объективной заинтересованности населения в облегчении условий для трансграничной хозяйственной деятельности, так и традиционных связей, существующих между жителями ранее единого Слобожанского Края. Поэтому местоположение и название для «еврорегиона» было выбрано не случайно. Последующее развитие «Слобожанщины» не было ровным и спокойным. В короткой истории трансграничного региона были и свои «прорывы», когда у приграничных субъектов интерес к взаимному сближению резко возрастал. Случались и свои периоды охлаждения, во время которых интеграционные усилия двух областей почти равнялись нулю. Будучи частью своих государств, приграничные земли вынуждены были повторять волнообразную траекторию российско-украинских отношений, и в этом плане трансграничные связи часто попадали в зависимость от сложных внешнеполитических коллизий между Киевом и Москвой. Однако даже в самые напряженные моменты ни у кого и никогда не возникало сомнения в целесообразности продолжения начатого дела, потому что заложенный в основание трансграничного сотрудничества социокультурный фактор всегда оставался определяющим. И когда экономические, финансовые, внешнеполитические и иные «материальные» мотивы и резоны интеграции переставали работать, их всегда компенсировали те основания человеческой жизни, которые «освящены» принадлежностью к единой культуре и истории, совокупностью общих ценностей, которым привержены «рядовые» люди, их коллективной исторической памятью, общностью ряда традиций, обычаев, моментов образа жизни.

Видимо благодаря именно этому обстоятельству социальная и гуманитарная компонента в развитии «Слобожанщины» является наиболее перспективной, т.е. здесь есть немало хороших делов на будущее. Так, например, жители Белгородской и Харьковской областей уже ощутили на себе выгоды упрощенного порядка пересечения государственной границы, действовавшего до 2014 г. Не в меньшей степени, чем свобода кроссграничного перемещения, людей интересует проблема обеспечения открытого доступа к социальной инфраструктуре сопредельных территорий. Речь, в общем-то, идет о многочисленных и повседневных контактах между людьми, организациями, учреждениями по гуманитарным вопросам, которые часто складываются естественным образом и предполагают оперативное решение «поверх барьеров». В начале 2000-х годов в этих целях был образован Приграничный Российско-Украинский университетский консорциум, главной целью которого является повышение качества высшего образования путем организации и координации сотрудничества классических университетов приграничных областей Российской Федерации и Украины. Участниками Консорциума с российской стороны выступили – Белгородский государственный университет, Воронежский государственный университет, Ростовский государственный университет, с украинской – ряд вузов Харьковской области Украины. В числе приоритетных задач Консорциума были определены поэтапное введение процедуры нострификации (взаимного признания) дипломов о высшем образовании вузов-участников ассоциации, выделение квот на поступление и обучение абитуриентской молодежи и другое. Со временем университетский консорциум должен стать важнейшим центром российско-украинского сотрудничества. Хорошие перспективы наметились в области научного взаимодействия. Благодаря совместным усилиям Харьковской областной государственной администрации и Правительства Белгородской области в 2011 г. был зарегистрирован Российско-Украинский технопарк «Слобожанщина». Его учредителями стали с российской стороны – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, с украинской – Харьковский национальный университет, Харьковский национальный университет радиоэлектроники, Научный парк «ФЭД». Цель создания технопарка: формирование среды активного взаимодействия ученых и предпринимателей Украины и Российской Федерации с целью коммерциализации научных разработок, создания условий для ускоренного развития высокотехнологичных направлений производства и превращения их в основную движущую силу экономического роста «еврорегиона» «Слобожанщина». Технопарк будет охватывать широкий круг отраслевых направлений, таких как ядерные технологии в энергетике и здравоохранении, энергосбережение и новые технологии в производстве энергии, биотехнологии, биомедицина и фармацевтика, авиация, станкостроение, инновационная мехатроника, новые материалы и нанотехнологии, информационно-коммуникационные технологии, приборостроение, новые технологии в агропромышленном комплексе. Реализация данных направлений позволит технопарку стать не только крупным региональным центром внедрения инноваций, но и органично вписаться в более масштабный российско-украинский перспективный проект по созданию мощной научно-технологической платформы под рабочим названием «TECHNOPOLIS». Такая платформа представляет собой современную форму территориальной интеграции науки, образования и производства, комфортной жилой среды и экологии, а технопарки будут выступать основными функциональными звеньями (кластерами) платформы.

Значительную помощь в оживлении приграничного экономического сотрудничества призваны оказать крупные совместные проекты, в которых участвуют несколько предприятий и финансовых структур по обе стороны границы. За последние пять лет наметилось несколько таких площадок. Долгосрочным и весьма продуктивным проектом можно считать и совместную экологическую программу по очистке русла реки Северский Донец на территории сопредельных областей. Заслуживают внимания и некоторые совместные усилия в сфере дорожного строительства и обустройства конвертируемых систем оптоволоконной связи. Разумеется, «точек делового сотрудничества» могло бы быть и больше. Однако не стоит забывать, что в развитии трансграничной региональной интеграции на современном этапе имеется ряд объективных и субъективных ограничений. С одной стороны, «малая» интеграция только набирает обороты, и на сегодняшний день пока еще не способна произвести немедленный экономический эффект по всем азимутам заявленной деятельности. Государственная помощь приграничному сотрудничеству пока скромна, а местные бюджеты тоже не рассчитаны на самостоятельное решение большинства проблем в этой сфере. Очевидно, что без долговременной и стабильной материальной поддержки из центра приграничным территориям «Слобожанщины» будет не просто адаптироваться к своему геополитическому положению. С другой стороны, региональная интеграция является зеркальным отражением межстрановых отношений. А сегодня, к большому сожалению, в контактах между Россией и Украиной наблюдается много неопределенности и напряженности. После относительно благоприятного для налаживания добрососедских связей периода, последовавшего после ухода из власти «оранжевых» на Украине, российско-украинские отношения на обозримую перспективу вновь ожидают непростые времена. Сегодня руководители соседнего государства заявляют о своем «окончательном решении следовать европейскому выбору», открыто демонстрируют антироссийскую и русофобскую позицию. Такая политика ставит под угрозу будущее всех трансграничных региональных объединений на российско-украинских рубежах, поскольку статус самой государственной границы между Россией и Украиной коренным образом будет меняться.

Сказанное, однако, вовсе не означает, что воздействие неблагоприятных факторов может каким-то образом поставить под сомнение саму идею трансграничной региональной интеграции и межгосударственной интеграции вообще. Старая и мудрая как мир материалистическая наука учит нас тому, что человеческое волевое, эмоционально-психологическое, субъективистское начало может внести определенные изменения в ход исторических событий, но оно не в силах отменить действие объективных закономерностей социального развития. А ведущей доминантой мирового экономического и политического процесса на сегодня остается тенденция к объединению (интеграции) различных субъектов международных отношений. Страны на различных континентах мира стремятся к консолидации своих потенциалов для того, чтобы вместе быть сильнее и конкурентоспособнее своих реальных и потенциальных соперников. Российская Федерация и ее соратники по евразийской интеграции прикладывают максимальные старания к тому, чтобы держаться в русле этого магистрального течения современного глобализирующегося мира. Однако чтобы не выпасть из данного майнстрима, государства-члены формирующегося евразийского сообщества должны непрестанно заботиться об укреплении своего объединения изнутри. А это, в свою очередь, предполагает создание и расширение живой самовоспроизводящейся интеграционной ткани, состоящей из многочисленных отношений между людьми, проживающими по разные стороны границ, и институтов, призванных более эффективно и оперативно решать актуальные проблемы населения на наднациональном уровне. Это означает, что за «еврорегионами» стоит большое будущее, поскольку в данной системе связей и взаимодействий эти трансграничные конгломераты играют ключевую роль.

Сегодня приграничные кросстерриториальные объединения выглядят скорее как «точечные» очаги интеграционного развития, своего рода компактные свободные экономические зоны, разбросанные по внутренним границам бывшего СССР на довольно большом расстоянии друг от друга. Но таких объединений становится все больше и больше. Пример «Слобожанщины» и других пионеров трансграничной региональной интеграции оказался весьма позитивным. С запада на восток от Калининградской области России через Беларусь и Украину протянулись сложные, многосоставные (по три–пять приграничных территорий) «еврорегионы» «Балтика», «Неман», «Озерный край», «Беловежская пуща», «Буг»⁶. При условии сохранения восходящей интеграционной тенденции предполагается, что фрагментарность и «очаговость» трансграничного регионального сотрудничества будет в обозримом будущем преодолевать, а «еврорегионы» станут сливаться в единую зону экономического роста, социально-политической стабильности, правовой защищенности всех субъектов деятельности на обширном евразийском пространстве. Эта зона плавной дугой опоясывает западные и южные пределы нашего государства, превращая, таким образом, эти извечно проблемные «украинские» территории в своеобразную модель содружества братских народов и стран. В этом отношении политико-стратегическое значение трансграничной региональной интеграции трудно переоценить. Можно также без преувеличения отметить, что в

⁶ Бредихин А. В. Еврорегионы ведут Украину в Евразийский Союз. URL: rus-ua.info/news/6080.html

условиях сегодняшних весьма сложных двухсторонних межгосударственных отношений, к трансграничной интеграции переходит лидерство и инициатива в вопросах евразийского интеграционного строительства. Институционально-организационное воплощение «малой» интеграции – «еврорегионы» – выступают в роли локомотива, вытягивающего весь комплекс интеграционных межгосударственных связей на уровень стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества. Этот фактор также позволяет подходить к оценке сущности и перспектив трансграничного регионального сотрудничества на постсоветском пространстве не с сугубо локальных позиций, но в ракурсе более масштабных политико-стратегических (геополитических) измерений.

Ответственность миссии, которую несут на себе «Слобожанщина» и подобные ей объединения, таким образом, многократно возрастает. Как и в былые времена, эти регионы сегодня находятся на переднем крае внешней политики своих государств, но в отличие от прежних эпох, они должны подчеркивать не разобщенность, «разграниченность» земель и народов, а наоборот – генерировать вокруг себя положительные интеграционные импульсы. Наша «Слобожанщина», вобравшая в себя лучшие традиции прошлого и являющаяся наследницей исторического Слободского Края, имеет все основания претендовать на роль одного из лидеров регионального интеграционного движения и одновременно стать крупнейшей территориальной конгломерацией на российско-украинском границе. Постепенно освобождаясь от традиционного для порубежья имиджа милитаризованной зоны, современная Слобожанщина активизирует свои созидательные и творческие силы на благо укрепления российской государственности, упрочения дружеских связей с соседними славянскими странами и народами, дальнейшей консолидации всего евразийского интеграционного сообщества.